
Всё повторяется: как мы растим двух сыновей с тугоухостью

РАСКАЗАЛА ЧЕРИЛ ЛЭЙСИ

В своих мечтах о том, как счастливо я заживу после свадьбы, я никогда не отводила место глухому ребёнку, не говоря уже о двух, по крайней мере я никогда не думала, что там им найдётся место. Но жизнь распорядилась иначе. В нашем роду у всех всегда был нормальный уровень слуха, поэтому меня потрясла новость о том, что у моего первого сына, а затем и у второго уровень слуха значительно понижен. Тем не менее, не было смысла закрывать глаза на такое положение дел или сидеть в оцепенении; я осознавала, что мне предстоит долгий путь, но в чём он будет заключаться, я себе не представляла.

У моего старшего сына Эмерсона резко упал уровень слуха в очень раннем возрасте. Мы знали, что нам нужно обратиться в службу по лечебно-терапевтическому вмешательству в раннем детском возрасте, и быстро приняли это решение. Я признаюсь, что наш выбор основывался на том, что ближе к нам находится, но я решила, что если потребуется, мы всегда сможем это изменить!

Хотя первоначально Эмерсону помогли его слуховые аппараты, к двухлетнему возрасту у него развилась тугоухость тяжёлой степени в обоих ушах. Нам нужно было принять решение – нелёгкое решение. В конце концов мы согласились на операцию по вживлению кохлеарного импланта, а через год ему провели вторую операцию. Первые месяцы пришлось с ним побороться, чтобы он не вытаскивал слуховые аппараты и импланты, а потом бороться, потому что он не давал их снимать. У Эмерсона волевой характер, и потребовалось немало настойчивости и поддержки, чтобы помочь ему достичь тех результатов, которые мы имеем на сегодняшний день. И вот, спустя семь лет, он уже во втором классе, движется вперёд и не отстаёт от своих сверстников ни в чтении, ни в речи, ни в успеваемости на уровне требований его класса во всех областях.

Как раз в то время, когда уровень слуха у Эмерсона упал до тяжёлой степени, я была на шестом месяце беременности. Мы уже знали, что вероятность того, что наш второй ребёнок

родится с пониженным слухом, составляла один к четырём. Поэтому когда у меня родился Грант, я была счастлива, когда мне сказали, что у него «нормальный» слух. Наша аудиолог всё же внимательно наблюдала за ним и проводила регулярные оценки. Дома мы также следили за его состоянием, так как знали, что наша тугоухость прогрессирует. Честно говоря, я никогда не питала полного доверия, что слух у него останется на том же уровне. И вот это случилось. Я помню, как вскоре после его первого дня рождения что-то изменилось в том, как он начал реагировать на звуки. “Ну вот, та же самая история,” подумала я, но без грусти. Всё же мне ещё не хотелось объявить эту новость мужу. Недели две я раздумывала над этим. Как-то раз мы поехали с мужем на ланч и взяли с собой Гранта (Эмерсон в это время был в гостях у бабушки с дедушкой). Вдруг у меня вырвалось: «Мне кажется, Грант стал хуже слышать.» Мой муж согласился со мной. Оказывается, он сам думал об этом, но ни он, ни я не решились сообщить неприятную новость другому. Мы даже посмеялись. Мне стало немного легче – теперь наши мальчики смогут поддерживать друг друга и идти вместе по этой дороге. Меня также утешило то, что я уже знала, что нужно делать. Не прошло и месяца, как Грант прошёл тестирование с использованием успокоительного средства в Детском госпитале Британской Колумбии. Уровень слуха подтвердился, и я попросила сразу же сделать слепок ушного канала. Когда мы приехали домой через полтора часа, на автоответчике нас уже ждало сообщение от нашего местного аудиолога, и вскоре мы уже выбирали на их сайте, какого цвета заказать ушной вкладыш для Гранта (кобальтово-синий). Какой же он был крошечный! К двум часам дня слуховой аппарат был заказан, и слепок послали в мастерскую.

Я никогда не испытывала такого горя по поводу

Гранта, как с моим первенцем, хотя всё равно это была утрата. Если честно, я ощущала себя немного обманутой – ведь мне никогда не удастся вырастить детей с нормальным слухом. И всё же на этот раз я знала, что всё будет хорошо. С ним всё будет хорошо, и с нами тоже. Позднее Гранту потребовались более мощные слуховые аппараты. Сейчас он пошёл в подготовительную группу детского сада при той же школе, что и его брат, и мы готовы к тому, что и ему тоже придётся вживлять имплант.

Сейчас одному мальчику семь, а другому пять. Это обычные мальчишки, обычные братья. Они борются друг с другом, один у другого выбивает из уха вкладыш, они останавливаются, чтобы вставить его обратно или задвинуть магнитик на своё место. Они сердятся друг на друга, если один не слушает другого или слишком шумит (я при этом не могу удержаться от улыбки!) Вместе мальчики усвоили, как им лучше всего общаться между собой. По утрам Грант часто приходит в комнату Эмерсона и подаёт ему его импланты и свой слуховой аппарат, чтобы он его вставил. Эмерсон понимает, что Гранту нужно сидеть в нашем минивэне на среднем сиденье, чтобы создать ему оптимальные условия для слышимости.

Хотя сначала нам было нелегко, нашей семье повезло в том, что нас окружили своей заботой наши родные и друзья, аудиологи, врачи и отоларингологи, и, конечно же, наши местные специалисты по лечебно-терапевтическому вмешательству в раннем детском возрасте. Спустя годы, когда нам приходилось и плакать, и смеяться, мне кажется, что благодаря всем этим людям наша семья выросла, и мы продолжаем идти вперёд по нашему пути.

